

Повесть

АВТОБУС

3:17

Смена не заканчивается никогда

ЕЛЬНИКИ · УЛИЦА ГАГАРИНА · 3:17

Андрей Ратиборо

Автобус 3:17

«Автор»

2026

Ратиборо А.

Автобус 3:17 / А. Ратиборо — «Автор», 2026

В Ельниках знают: последний автобус уходит в семь вечера. Но учитель Андрей Корзунов однажды ночью, ровно в 3:17, видит под фонарём другой: длинный, цвета топлёного молока, с горящими окнами. В нём сидят люди, которые к утру будут мертвы. Чтобы спасти дочь, Андрей садится за руль, не зная, что «одна смена» не заканчивается никогда. Тридцать лет спустя к автобусу приходит его дочь Соня, потом внучка Лиза. Автобус оказывается лишь ртом чего-то, что лежит на дне реки и питается памятью, любовью и страхом. Жители Ельников один за другим теряют мысли и убивают друг друга. Лиза решает поджечь реку, но огонь не уничтожает зло, а лишь ставит сгоревших на вечный караул. Жестокая и мрачная повесть о долге, памяти и цене, которую платят за близких.

© Ратиборо А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава первая. Остановка, которой не было	6
Глава вторая. Тётя Вера	7
Глава третья. Список	8
Глава четвёртая. Наталья Леонидовна	9
Глава пятая. Рулевой	11
Глава шестая. Три семнадцать	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Андрей Ратиборо

Автобус 3:17

АВТОБУС 3:17

Повесть

в пяти частях

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Остановка, которой не было

В Ельниках знали три вещи. Зимой дорогу замечает до самых окон. Летом комары вырастают размером с воробья. А автобус ходит только днём: последний рейс в райцентр уходил в семь вечера от магазина «Родник», и кто опоздал, тому оставалось либо тащиться двенадцать километров пешком, либо проситься на ночлег к родне.

Поэтому, увидев автобус в семнадцать минут четвёртого ночи, Андрей Корзунов решил, что сходит с ума. Минуту спустя он передумал и решил, что просто не выспался. Эта мысль объясняла почти всё, что происходило с ним последние восемь месяцев, с тех пор как умерла Лена.

Он стоял на кухне в одних трусах и пил воду прямо из-под крана: чайник мог разбудить Соню. Ей было девять, и спала она чутко, как мать. Об этом Андрей старался не думать, но мысль приходила сама, цеплялась за какую-нибудь мелочь вроде пятна на скатерти или голубой заколки в сушилке, и оставалось только ждать, пока отпустит.

Окно выходило на улицу Гагарина. Точнее, на то, что так называлось: десяток домов, фонарь на покосившемся столбе и пустырь напротив, где когда-то собирались строить клуб. Фонарь горел жёлтым, как больной зуб.

Под фонарём стоял автобус.

Не нынешний «пазик» с облупленной эмблемой района. Этот был длинный, округлый, цвета топлёного молока, с большими окнами и хромированной полосой по борту; такие Андрей видел только на старых фотографиях. Мотор работал ровно, без дребезжания, а из выхлопной трубы шёл пар, хотя стояла середина сентября и до заморозков было далеко.

Передняя дверь со вздохом сложилась пополам. Никто не вышел и не вошёл. Секунд тридцать автобус стоял с открытой дверью, как человек, придерживающий её для кого-то, кто идёт следом. Потом дверь закрылась, и он тронулся совершенно беззвучно. Андрей мог бы поклясться, что слышит только это вздыхающее шипение.

Задние огни не удалялись, как у настоящей машины. Они просто погасли, словно за поворотом, которого на улице Гагарина никогда не было.

Андрей взглянул на часы над плитой. 3:19.

Сон, подумал он. Ты стоишь и спишь с открытыми глазами. Отец говорил, что с дедом так бывало.

Он сполоснул стакан, поставил его на сушилку рядом с заколкой и пошёл спать. Уснуть не удалось.

Глава вторая. Тётя Вера

Наутро он никому ничего не сказал. Рассказывать было нечего: в школе он вёл у пятых и шестых классов историю и географию, и ума хватало понять, как прозвучит фраза «я видел призрачный автобус» из уст учителя, которого и без того жалеет весь посёлок. Жалость в таких местах работает как ржавчина: сначала меняет цвет, потом проедает дыру.

Вечером он отвёл Соню к соседке, тётё Вере Мещеряковой: у него было родительское собрание. Тётё Вере шёл семьдесят девятый год. Она жила одна с котом по имени Маршал и каждую осень закатывала сорок банок огурцов, которые потом раздавала всем подряд с видом человека, совершающего подвиг.

— Заходите, заходите, — сказала она, и Соня нырнула ей под руку, как кошка. — Андрюша, ты бледный как простыня. Ты ешь вообще?

— Ем, тётя Вера.

— Врёшь, я же вижу. Ладно, завтра принесу тебе голубцов.

— Не надо.

— Надо. — Она улыбнулась. — Иди уже, горе луковое.

На собрании говорили о ремонте крыши, о проверке из района и о Мише Глазунове, который опять подрался. Андрей кивал и думал об автобусе. В десять он забрал Соню, сонную и тёплую, а тётя Вера стояла в дверях в своём вечном халате с васильками и махала ему, пока он не скрылся за углом.

Той же ночью он снова сел на кухне, выключил свет и стал смотреть на улицу. В четверть четвёртого у него так тряслись руки, что чай расплескался по столу. В 3:16 он перестал дышать: ему показалось, что фонарь мигнул.

В 3:17 автобус был на месте.

То же молочное тело, тот же пар, та же дверь, сложившаяся пополам, и та же долгая пауза, в которой было что-то *вежливое*. От этой вежливости Андрею стало хуже, чем от самого автобуса.

В окнах горел свет, тёплый, домашний, как в вагонах дальних поездов. В этом свете сидели люди.

Они сидели по одному и по двое: мужчина в кепке, женщина с хозяйственной сумкой на коленях, подросток, прижавшийся лбом к стеклу, старик с газетой. Они не разговаривали и не шевелились, но мёртвыми не казались. Они были похожи на людей, которые ждут отправления и не очень спешат.

В третьем окне слева сидела тётя Вера, в халате с васильками. Она повернула голову и посмотрела прямо на него: сквозь стекло, сквозь ночь, сквозь сорок метров темноты. Подняла руку и помахала точно так же, как несколько часов назад из дверей.

Автобус закрыл дверь и ушёл в несуществующий поворот.

Андрей просидел на кухне до рассвета. Когда за окном посерело, он обнаружил, что всё это время сжимал в кулаке Сонину голубую заколку; острый край оставил на ладони красную полосу, которая не сходила до самого полудня.

Утром он узнал от соседей, что тётя Вера умерла во сне. Фельдшер Колесников, пришедший на рассвете, сказал: сердце, спокойно, ей ведь было семьдесят восемь, чего вы хотите. На подоконнике сидел Маршал и смотрел в окно; когда Андрей вошёл, кот даже не повернул головы.

На похоронах Андрей стоял под моросящим дождём и слушал, как кто-то говорит: «Легко ушла, дай бог каждому». Он кивал со всеми, держал Соню за руку и думал: *три семнадцать*.

Глава третья. Список

К концу недели он знал три вещи.

Первое: автобус приходит каждую ночь в тринадцать, ни раньше, ни позже. Андрей проверил по часам трижды, а на четвёртую ночь положил телефон на подоконник и включил запись. Утром видео показывало пустую улицу, жёлтый фонарь и тишину, которая давила на звук, как вода давит на уши на глубине. Автобуса в кадре не было. Но таймстемп в углу сообщал 03:17:04, а потом сразу 03:17:41, и всё это время картинка не менялась, будто плёнку склеили.

Второе: каждый раз в автобусе сидит кто-то новый, и наутро этот человек оказывается мёртвым. Мужчина в кепке был Колей Седовым с лесопилки. В четверг его нашли у ленточной пилы: она прошла от плеча к паху и разделила его так ровно, что санитары, по словам фельдшера, сначала не поверили, что это один человек, и несли два куска на разных носилках. Пила была выключена. Рубильник, сказал Колесников, был отключён с вечера. Женщина с сумкой, Галина из «Родника», в пятницу обнаружилась в подсобке: она сидела на ящиках с консервами, прислонившись к стене, с аккуратным разрезом поперёк горла, из которого вытекло всё, что в ней было, и банки на полках были покрыты красными брызгами до самого потолка. Крови, сказал фельдшер, натекло на пятерых. Подросток, прижавшийся лбом к стеклу, был Миша Глазунов, тот самый драчун. В субботу утром его мать позвонила Андрею спросить, не видел ли он Мишу, который не пришёл ночевать. К вечеру мальчика нашли у реки. Он лежал на берегу, подложив руку под голову, будто устал и решил поспать. Только изо рта у него текла вода, и текла ещё часа два после того, как его перевернули, хотя в нём не могло быть столько воды.

Третье Андрей понял в ночь на воскресенье, и это оказалось хуже всего. В окнах автобуса он увидел не только людей, но и пустые места: три, иногда четыре на рейс. Чистые сиденья, на каждом из которых аккуратно лежал белый листок, как билет.

На одном из листков, присмотревшись, он различил надпись, выведенную карандашом ровными школьными буквами: *Гречихин А. П.*

Анатолий Петрович Гречихин жил через два дома, в зелёном домике с резными наличниками, и на прошлой неделе жаловался, что давление скачет.

На соседнем сиденье лежал второй листок: *Свиридова Н. Л.* Наталья Леонидовна, библиотекарь. На третьем: *Колесников Ф. Ф.* Фельдшер, тот самый.

Андрей сидел в темноте и вспоминал, как его учили считать. Раз, два, три. Автобус приходит на их улицу, потому что ему нужны люди из Ельников. Он забирает их по списку, а список, судя по листкам, очень точен.

Дождавшись, пока автобус уйдёт, он пошёл проверить Соню. Она дышала. Спала на боку, подложив ладонь под щеку, и он долго стоял над ней, слушая ровное дыхание. Где-то в глубине дома тикали часы, отсчитывая время, которого, как ему вдруг показалось, оставалось не так уж много.

Если есть список, подумал он, должен быть и порядок. Кто-то его составил. Кто-то решает, кто первый.

И следом, тихо, как капля, упавшая в пустой стакан:

А если в следующий раз я увижу на сиденье её имя?

Глава четвёртая. Наталья Леонидовна

В понедельник он пошёл в библиотеку.

Библиотека занимала две комнаты в бывшем сельсовете, и Наталья Леонидовна Свиридова правила там тридцать один год. Сухая, прямая, с седым пучком и очками на цепочке, она в детстве пугала Андрея больше, чем директор школы. Она знала, кто что взял и не вернул. Знала, кто читал «Обитаемый остров» втайне от родителей. Если бы в Ельниках и правда составляли список, она, пожалуй, заглянула бы ему через плечо и поправила ошибки.

— Андрей, — сказала она, не отрываясь от формуляра. — Соболезную. Вера была хорошим человеком.

— Спасибо, Наталья Леонидовна. Мне нужны подшивки «Ельницкого вестника». Лет за сорок.

— За сорок. — Она подняла глаза. — Зачем?

— Для урока краеведения.

Секунду она разглядывала его, и очки на цепочке слегка качнулись, хотя она не двигалась.

— Подшивки в подвале. Лампочка там перегорела, возьми фонарь на гвозде.

В подвале пахло мышами и старым клеем. Андрей просидел там три часа, водя пальцем по ломким жёлтым страницам, и без десяти два нашёл то, что искал. Заметка называлась «Трагедия на Гагаринской». Тридцать восемь лет назад, в ноябре, автобус маршрута № 3 «Ельники — Рябиновка» ночью сорвался с моста через Тихую. Погибли четырнадцать человек: водитель и тринадцать пассажиров, возвращавшихся с похорон в соседний район. Автобус вытащили на третий день; пассажиров нашли не всех.

Список погибших стоял внизу колонки мелким шрифтом.

Андрей прочёл его дважды, потом ещё раз, слово за словом. Ни Гречихина, ни Свиридовой, ни Колесникова там не было. Не было и Сони. Были фамилии, которых он никогда не слышал, и одна, которую слышал: *Корзунов П. И., водитель.*

Его дед.

Отец говорил, что дед умер молодым, «ещё до моего рождения, на работе». Больше ничего не рассказывал, а Андрей не спрашивал. В Ельниках не принято спрашивать о том, что человек не рассказывает сам.

— Нашёл? — спросила Наталья Леонидовна.

Она стояла на верхней ступеньке, и свет из коридора обрезал её фигуру по плечи. Андрей не слышал, как она подошла.

— Вы знали, — сказал он.

— Я много чего знаю. — Она спустилась на ступеньку. — Я знаю, что по ночам ты не спишь. У тебя на кухне свет горит до рассвета. Я живу напротив. Я тоже не сплю.

Это было так просто, что он рассмеялся. Смех вышел лающий, нехороший; она подождала, пока он кончится.

— Вы тоже его видите.

— Одиннадцать лет. С тех пор как умер мой муж. Он был первым, кого я там увидела.

— Он не мёртвый, этот автобус. Там сидят...

— Я знаю, кто там сидит. — Она говорила очень тихо. — Я смотрела, как муж уезжает. Мне было пятьдесят, ему сорок девять, и он сидел у окна и читал газету.

Андрей заставил себя дышать ровно.

— Что это?

— Не знаю. — Она сняла очки, протёрла краем кофты и надела обратно. — Одиннадцать лет думаю, времени хватало. Мне кажется, он не выбирает. Он приходит за теми, кто уже собрался. Как почтальон. Но это глупости старой женщины. Главное в другом.

— В чём?

— В свободных местах.

Он молчал.

— Ты же видел, — сказала она. — По три-четыре на рейс. Они всегда есть. И каждую ночь кто-нибудь в Ельниках ложится спать и не просыпается. Мы с тобой знаем, что это не случайность, потому что видели его в окне. Но вот что я тебе скажу. — Она посмотрела на него долгим сухим взглядом. — Одно место всегда твоё. Если захочешь.

— Что?

— Твой дед был водителем. Автобус не ходит без водителя. Спроси себя, кто сейчас за рулём.

Глава пятая. Рулевой

Он не ответил. Он уложил Соню в её комнате и лёг рядом на узкий диван, потому что не мог остаться один; она, не просыпаясь, подвинулась и положила ему на грудь горячую ладонь. Сначала он слушал дыхание. В три часа перестал смотреть на часы и слушал только его.

В три семнадцать дыхание не изменилось.

В три восемнадцать, когда он наконец решился встать, в дверь комнаты тихо постучали. Не в дверь квартиры, а в дверь комнаты. Дважды, вежливо, костяшкой согнутого пальца. Андрей замер. Соня пробормотала что-то про лошадей и повернулась на другой бок.

— Андрюша, — сказал за дверью голос.

Голос был усталый, хрипловатый, с оттенком извинения, как у человека, который пришёл не вовремя и сам это понимает. Андрей слышал его раньше, но только в записи: лет двадцать назад отец включил старую бобину и сказал: *это твой дед, послушай*. Потом выключил, и больше они об этом не говорили.

— Ты не бойся. Я ненадолго.

Он вышел в коридор, плотно притворив за собой дверь. Дед стоял у вешалки, в синей форменной куртке с эмблемой маршрута, и от него пахло речной водой, тиной и железом. Лицо было молодое, моложе, чем у самого Андрея, и очень спокойное. Только вода стекала с него не переставая, ручейками из рукавов, из-под воротника, из волос, но ни одна капля не долетала до пола. Куртка на груди была продавлена внутрь, словно на него упала балка, и сквозь прореху виднелись обломки рёбер, белые, острые, а между ними что-то колыхалось, мягкое и тёмное. Он не замечал этого. Или делал вид. И глаза... Андрей потом всю жизнь старался не вспоминать его глаза. В них стояла вода: не слёзы, а просто тёмная неподвижная вода, глубокая, как в омуте под мостом.

— Я шофёр, — сказал дед. — Тридцать восемь лет шофёр. Не хотел, чтобы ты узнал вот так, но времени мало.

— Чего ты хочешь? — Андрей услышал, как дрожит его голос, и возненавидел себя за это.

— Я? Ничего. Устал. — Он улыбнулся, и от улыбки стало только страшнее. — Знаешь, как это работает? Откуда тебе. Я и сам не сразу понял. Мост обрушился, мы упали, я сидел за баранкой и думал: надо вывезти людей. Вот и вожу. Тридцать восемь лет вожу тех, кого надо вывезти. Только маршрут не кончается. Едем и едем, а конца нет, потому что нет смены.

— Смены.

— Кто-то должен заступить, тогда я смогу выйти. — Он говорил мягко, как объясняют задачу по физике. — Условие одно: заступить должен свой, кровный. И по доброй воле. Никто никого не заставляет, у нас всё по-честному.

Андрей понял всё сразу, как понимают, что лёд проломился: не умом, а всем телом.

— А если я откажусь?

— Откажешься так откажешься. Я поеду дальше, тебе жить. — Дед замолчал и посмотрел на дверь, за которой спала Соня. — Только видишь ли, мест в автобусе всегда хватает. Это не я решаю. Пустым он не бывает. А когда водитель устал, места заполняются быстрее. Лучше сказать не умею.

— Ты ей угрожаешь.

— Я никому не угрожаю. Я объясняю. — В голосе наконец что-то дрогнуло, и это была не злость, а стыд. — Я бы и не говорил, да ты всё равно докопаешься. Ты же учитель, а учителя любят докапываться.

Он шагнул к входной двери, и Андрей заметил, что на полу не остаётся мокрых следов.

— Сегодня отдыхай. А завтра в тринадцать, если надумаешь, выходи. Дверь я открою.

Дверь закрылась беззвучно.

Андрей долго стоял в тёмном коридоре, потом пошёл на кухню и сел за стол. На столе лежала голубая заколка Сони, и он смотрел на неё, пока не заболели глаза. Соня ни разу за эти месяцы не была по-настоящему несчастна. Ни минуты. В ней жила дикая детская радость, текла, как вода под льдом, и если её перекрыть, то уже не оживить.

Одна смена, подумал он. Одна, не вечность. Кто сказал, что вечность?

Но он знал, кто сказал. Он видел дедовы глаза.

Глава шестая. Три семнадцать

В среду он оставил в учительской планы уроков на неделю вперёд, подписав каждый конверт. Завуч Тамара Игоревна заглянула и спросила, не заболел ли он. Андрей ответил, что просто решил навести порядок. Она кивнула с видом человека, который понимает всё и промолчит, потому что в Ельниках так принято.

Вечером он отвёл Соню к дяде Коле Абрамову, двоюродному брату отца: у того были жена, двое детей и тёплый дом с настоящей печкой. Записку Андрей писал трижды, а оставил самую короткую: *Соня, я люблю тебя больше, чем умею сказать. Слушайся дядю Колю. Заколку не теряй.* Он положил её в рюкзак, в карман на молнии, где Соня прятала сокровища.

Потом вернулся домой, сел на кухне в темноте и стал ждать.

В три шестнадцать фонарь за окном загорелся иначе, как лампа в операционной. В три семнадцать пришёл автобус.

Андрей встал и надел куртку. Проверил, закрыт ли газ. Это было так глупо и так по-человечески, что он едва не рассмеялся; вместо этого он положил связку ключей на подоконник, чтобы дядя Коля нашёл её потом.

Улица была тихой. Туман стелился над асфальтом, как молоко, и сквозь него автобус светился тёплым, домашним, невыносимо уютным светом. Дверь стояла открытой.

В салоне пахло речной водой и ещё чем-то хорошим: тёплым хлебом, шерстью, давно ушедшим летом. Пассажиры сидели молча. Колю Седова он узнал по кепке, Галину из «Родника» по сумке. Тётя Вера сидела на своём месте в халате с васильками, и в её глазах не было укора.

— Андрюшенька, — сказала она. — Ну вот и ты. Садись, сынок, не стой.

— Тётя Вера, я...

— Знаю. — Она улыбнулась. — Ты хороший мальчик. Всегда был.

Он пошёл по проходу мимо рядов и пустых мест. На одном из сидений лежал белый листок с именем, которое он знал: *Свиридова Н. Л.* Андрей вспомнил слова Натальи Леонидовны о свободных местах и понял, что говорила она не только о нём.

У водительского кресла стоял дед. Он выглядел очень усталым и очень счастливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.